

К. Д. КАВЕЛИН

Краткий взгляд на русскую историю

Чтение в профессорском клубе в Бонне (1863–1864)¹

Колыбель ее — западнорусские племена — малороссийское и белорусское. На юге — Киев, Галиция, Козачина¹; на севере — Полоцк, Смоленск, Псков и в особенности Новгород. Эти племена не могли образовать государства и попадали под власть и влияние Литвы, Польши, Московии. В них вырабатывался рано или поздно аристократический элемент, которым тяготились массы, и недоставало сильной центральной власти.

Русское государство основано великорусским племенем (теперь оно составляет от 35 до 40 млн чел.). Возникает лишь в XII в. выселками из белорусского и малороссийского племени в страны на восток, заселенные финскими племенами². Новгородцы колонизировали север — Двинскую область, Вологду, Вятку, Пермь, с юга потянулись колонии на Рязань, Владимир, Москву. Новгородские поселения были главным образом торговые, княжеские, судя по последующему времени, по преимуществу — военные, при участии, однако, Церкви и свободного движения русского племени. Заселение азиатской и европейской России русским племенем продолжается непрерывно и до сих пор и составляет один из главнейших, господствующих интересов внутренней истории.

Как образовалось великорусское племя, отличное от малороссийского и белорусского, сказать трудно. Может быть, отличия зависят от других географических условий (евреи в Сибири)³; но более чем вероятно, что финский элемент примешан в этом племени к русско-славянскому, что доказывается:

1) тем, что прежде тут жили финские племена;

2) местными названиями и финскими словами в великорусском диалекте;

3) особенно постепенным обрусением финских племен; это совершается теперь, на наших глазах, и не могло не быть прежде, сыздавна.

В древнейшие времена заметно яркое различие великорусского племени от западнорусских. Последние смотрели на первое свысока, с презрением. В нем нет почти индивидуального начала, нет поэтического характера, личной храбрости, удальства, рыцарства; действует массами, не пускается на рискованное дело, выжидает, страшно выдержанно. Князья на этой почве перерождаются: из переселяющихся из области в область, из воюющих становятся оседлыми и уже в XII в. мечтают о единой державии. Андрей Боголюбский и Всеволод напоминают последующих московских царей.

Нашествие татар остановило на 200 лет развитие великорусского племени; но, наконец, и с татарами оно справилось. Московские князья начали понемногу дело освобождения. Умели подольститься к ханам (Иван Данилович)⁴, прикинуться их вернейшими слугами и так искусно вели дела, что ханы им поверили, предоставили старшинство над всеми прочими и сделали их главными сборщиками податей. Князья Московские умели с необыкновенным искусством воспользоваться этим положением: ордынские подати употребляли на подкупы в Орде и на покупку себе владений; клеветали на своих соперников ханам как на мятежников, выпрашивали себе для их усмирения татарскую помощь и стали мало-помалу всеильны в России. Окрепнув, они сняли маску, заговорили другим языком с Ордой и к концу XV в. окончательно сбросили иго Орды.

Итак, государство образовано великорусским элементом — единственным между славянскими племенами, сумевшим основать прочное государство.

Исторический тип, который лег в основание этого нового государственного тела, есть тип *des Guts-und Hausherrn**. В этой чистоте и последовательности он нигде и никогда не приведен в истории. К нему, правда, примешались смутные воспоминания западнорусского развития, татарского господства, византийские элементы, польско-аристократические черты, но все эти элементы играли очень второстепенную роль и остались на поверхности.

* Хозяин имения, дома (нем.).

Корень и сущность исторического типа государства — *des Guts-und Hausherrn*. Он развивался неудержимо и совершенно выработался в мельчайших подробностях в XVII в.

Главные черты этого типа перечислены далее.

1. Дружина свободная обратилась в двор и дворню. Слуга — высший титул и награда. Название «холоп» (*Knecht*) стало общим для всех служащих Московскому царю, не исключая высших сановников. Писались полуименами, в унижительном смысле. Получали сперва области и города, потом земли и кормление. Это была милость (жалованье). Совершенно и безусловно зависели от царя как принадлежащая ему собственность (аристократические стремления, занесенные из Польши, рушились на этой почве). Анекдот о князе Вяземском и его отношениях к Ивану Грозному⁵.

2. Массы народа назывались по отношению к царю сиротами. Этим выражалось, что царь был их защитник, опекун, оберегатель от сильных людей, своих дворовых.

3. Царь был государь — безусловный господин и наследственный владелец земель. Так как другого типа государственности не было, то он делил все свои владения между женою и детьми, как частные лица. Это продолжалось даже тогда, когда появилась надежда и уверенность освободиться от монгольского ига. Лишь с Дмитрия Донского (кон. XIV в.)⁶ младшие князья стали получать меньшие части против старшего. Эти части все уменьшались и уменьшались и с XVII в. их вовсе перестали давать.

4. В XVII в. строго проведено начало обязанности всех и каждого нести в пользу государства личную службу, натуральную повинность. Вытекая из начала рабства, эта обязанность простиралась на всю жизнь и на все потомство. Необходимое разделение занятий родило общественные разряды, наследственные; начало рабства выразилось в том, что они были приписаны к земле или к ведомству, учреждению, заведению. Примеры: служащее дворянство, составлявшее многие разряды, было расписано по городам и областям; горожане — тоже; крестьяне — по деревням и селам; стрельцы — к Москве и городам; казаки, даже артиллеристы и наборщики. Вообще, как только требовались люди для какого-нибудь дела, — они приписывались с женами и детьми к ведомству и отправляли дело до изнеможения сил или до смерти и наследственно и сначала безвозмездно. В XVIII и даже XIX в. до нашего времени, это начало, перестав быть всеобщим, как прежде, удержалось в больших размерах: солдат, поступая на

службу, совершенно вырывался из среды своей и наследственно переходил навсегда в военное ведомство, составляя особое звание; казенные и многие частные фабрики (посессионные) имели своих приписных людей, мастеровых и крестьян, которые работали наследственно на фабрику, то же продолжалось с печатниками Московского университета; солевозы, лашманы*, казаки, etc. В XVII в., как сказано, все служили лицом или отправляли натуральные повинности — хлебом, припасами, рыбою, птицами и проч. Нужны были мастеровые — каменщики, плотники, ремесленники, — их собирали со всего государства и посылали, куда нужно. Оригинальна была служба купцов. В XVII в. продажа водки была регалией и существовали внутренние и внешние таможи; кроме того, казна получала из Сибири подать от инородцев мехами и торговала ими. Все эти ветви финансового управления заведовались московскими купцами, которых посылали с этой целью в города. Меха сдавались им по оценке, и они должны были их продавать, на свой страх, не ниже оценки. Сборы кабацкие и таможенные должны были быть не меньше положенного. Эта служба была разорительна. От нее бегали, и чем меньше становилось купцов, тем чаще приходилось служить. Они жаловались. И вот выбирают богатейших купцов из городов и переселяют их в Москву, чтобы облегчить московское купечество. За заслуги давалось звание гостя, которое таким образом из торгового звания обратилось в чиновническое отличие.

Этот тип удержался в строгой последовательности до XVIII в., несмотря на византийские и польские влияния, которые оставались на поверхности и не проникали в глубину жизни. Тип *des Guts und Haussherrn* повторялся от царя до последнего подданного. В этом отношении быт представлял удивительное единство. Все и всё было крепостное, обязанное нести службу или отправлять работу до смерти и наследственно. Да и служба едва-едва специализировалась; в конце концов, в силу крепостного права можно было заставить каждого делать все, что угодно, отправлять всякого рода работу⁷.

Таким образом, индивидуальность не имела простора, начала личности не было вовсе. То, что составляет основание всего

* Сословие государственных крестьян, работавших при заготовке корабельных лесов низовых губерний, по большей части к ним относились татары (В. И. Даль).

европейского развития, что определило европейскую жизнь, — именно этого у нас не было.

Такой быт, конечно, объясняется исторически. Другого не могло быть, и при данных обстоятельствах он был полезен и благодетелен, потому что помог образоваться и установиться политическому телу. Никакое другое славянское государство не устояло даже при блестящей постановке обстоятельств; все пали от чрезмерного развития аристократии и слабости центральной власти. Очевидно, что в этом племени государство могло образоваться и упрочиться только под условием сильной центральной власти, и при данных обстоятельствах она не могла образоваться иначе, как по указанному типу.

Но, признав это, надо сказать, что индивидуальность в этих условиях задыхалась. Если мы — европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития; без нее немислим человеческий быт. И вот в конце XVII в. у нас начинается брожение, которое предвещало появление этого начала. Явилось оно к нам из Европы и в европейской форме (князь Хворостинин)⁸.

Крепостное начало проникает до XVIII в. весь наш частный и публицистический быт. Это основание всего. Есть и другие элементы: воспоминание западно-русского происхождения (вече и соборы), аристократическое начало (западно-русское княжество и польское) и византийское (в быту церковном и во внешних атрибутах власти с Иоанна III)⁹; но все эти элементы остались на поверхности и не проникли вглубь (Соборы прекратились к концу XVII в., аристократические стремления подавлены Иваном IV и династией Романовых, Церковь тоже приведена в должные границы при Иване IV и Алексее Михайловиче в борьбе с Никоном)¹⁰. Безличность быта не была навязана, наложена насильственно. Она была в нравах большинства. Масса свободных шла в кабалу. Взгляд на наказания: жен (по Олеарию¹¹, песням и пословицам), крестьян и солдат (анекдоты и виденное). Странно, но не позорно и естественно.

Но жизнь есть только известное определение данных элементов. Все они, самые противоположные, всегда, во всякую данную минуту налицо. Начало личности было и у нас исстари и рвалось на свободу. Беглецы, разбойники, казаки как другая сторона

медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспетая в особом отделе народной литературы. Делами о разбойниках завалены архивы. Стенька Разин, казаки (Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири¹²) — эти проявления индивидуальности идут в параллель с крепостным началом, соответствуют ему и доказывают неспособность индивидуальности создать гражданский быт, этим объясняют крепостное начало.

В сложившемся таким образом быту личное начало могло быть вызвано, пробуждено к нравственному, духовному развитию только извне и только начиная с высших слоев, потому что внутри, в частной и гражданской жизни, не было для этого элементов.

Это пробуждение выразилось в начале XVIII в. в Петре Великом.

Петр — первая свободная великорусская личность со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтой и со всеми недостатками, обусловленными той средой и теми обстоятельствами, при которых она появилась. В обществе, построенном на крепостном начале, личность могла заявить себя не иначе как с большой ненавистью к порядку дел, который ее давил, со всею необузданностью и гневом угнетенной силы, рвущейся на простор, с пристрастием к цивилизованной Европе, где личность служит основанием общественного быта и права, свобода ее признана и освящена. Далее, личность могла выступить только со всей неопытностью, мечтательностью, пренебрежением к действительности, как является всякое новое начало, верующее только в себя и в свою силу. Все эти черты мы находим в Петре: он с ненавистью смотрит на старину и окружающее его, все его предубеждения — в пользу европейского просвещения. С неудержимой, ужасающей силой и верой в свой идеал он пересоздает весь наш быт от азбуки до Синода, от бороды до платья, от ассамблеи до Сената. Никакие препятствия его не останавливают. Во всех его действиях лежит в основании убеждение, что нет ничего невозможного, что можно все пересоздать сразу, и он спешит сделать в свое царствование то, что в обыкновенном порядке исторического развития есть дело веков и поколений. Только перед смертью он понял, что человек — слабое творение. Своему делу, своей мысли Петр посвятил себя вполне, безгранично, с полным самопожертвованием. Его искренность и самоотвержение так же велики, как его дела. Он высказывает

начало, что его наследником должен быть тот, кто наследует ему по духу, а не по плоти. Он страшный, неумолимый деспот, но не во имя своего лица, а во имя принципа, и потому деспотизм его просветлен идеей и не оскорбляет. Поставив начало, он сам первый ему следует: учится, работает, выслуживается до чинов за действительные заслуги и выигранные сражения. Перед цивилизацией чувствует себя варваром, стыдится (случай в собрании в Голландии¹³). С гордостью говорит дочерям, что не получил образования с детства¹⁴). Во всем этом Петр — новое, небывалое, чрезвычайное явление в русской истории. Он — целая революция, и как всякая революция — более программа для будущего, которую пришлось выполнить по следующему времени. Но было бы ошибочно думать, что Петр — какая-то случайность в русской истории. Можно доказать положительными данными, что все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующим временем и развитием; все вопросы решены им в том духе, в каком они поставлены предшествующей историей, только решены резко, круто, быстро. Петр — фокус, в котором они внезапно сосредоточились и ярко разрешились. Оттого он стал на грани между двумя периодами русской истории и заслонил собою прошедшее. Он выразил собою стремление прогрессивного меньшинства, которое тяготилось бытом тогдашнего времени, и стоял в его главе. Называть его изменником Родине за пристрастие к иностранному, упрекать и ненавидеть его за то, что он был деспот, отыскивать в нем пятна, с точки зрения гуманности, — смешно и жалко. Это судить его с точки зрения, под которую он не может подходить. Петр — варвар и не мог быть другим, но великий человек, наш герой и полубог, наша надежда и знамение русского народа. Страна, создавшая такого человека, не может не иметь будущности. Эта мысль служила нам утешением в самые тяжкие, безотрадные минуты и, исцеляя наши душевные язвы, заставляла умолкать отчаяние, как медный змий в пустыне¹⁵. С Петром Великим начало личной свободы было поставлено в России как программа, как требование, которое должно было постепенно осуществиться в действительности. Задача была необыкновенно трудна. Надобно было провести ее очень искусно, не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим. Эту задачу разрешают в нашем внутреннем быту XVIII и 1-й пол. XIX в. Теперь она разрешена вполне, и постепенное ее

развитие для нас очень ясно и крайне интересно. Бросим беглый взгляд на то, как это сделалось.

Первая личность — Петр Великий — наносит сильнейший удар исторически образовавшимся общественным разрядам и ставит идею государства, которому все и каждый должны служить. Сам он первый подает этому пример. Упраздняет форму *des Haus- und Gutsherrn* и заменяет ее европейскими государственными формами.

Дворянство. Петр разрушает дворянство как исключительную служебную касту, имеющую служебные привилегии. При Анне Ивановне¹⁶ прекращается обязанность дворян служить вечно, до смерти. Положен 25-летний срок. Петр III¹⁷ и потом Екатерина II освобождают дворянство вовсе от обязанности служить, от телесного наказания, от лишения прав личных и имущественных без суда; предоставлено право свободно жить в России и за границей. Образованы дворянские корпорации с выборными представителями, с некоторою долею самоуправления, с правом ходатайствовать перед правительством о своих пользах и нуждах.

Городское сословие в высших своих разрядах, именно купечество, получило те же самые почти права. Низшее городское население (мещане и ремесленники) получило их только отчасти, в гораздо меньшей степени. Но с 1846 г. положено начало при организации управления С.-Петербурга самоуправлению городов посредством выборных от всех городских обывателей. В нынешнее царствование это распространено на Москву и Одессу¹⁸. Есть проект сделать то же самое для других городов.

В 1832 или 1833 г. художники, ученые, образованные люди всех классов и разрядов освобождены от подушной подати и телесного наказания. Долго торговавшие купцы получили наследственное право не платить подушной и не подвергаться телесному наказанию.

Те же права получило мало-помалу и белое *духовенство* с семействами, которое у нас до сих пор образует особое сословие.

Начиная с Александра I подымается вопрос о таком же постепенном освобождении низших городских и сельских классов. Еще Екатерина II запретила свободным добровольно записываться в крепость. Но она ввела крепостное право в Малороссии и раздала множество населенных имений с людьми в частную собственность. Только с Александра I совершенно и навсегда прекратилось в России обращение людей в частную собственность, и крепостные

государства резко отличены от крепостных дворянства (другие классы, имевшие то же право владеть крепостными, лишились этого права). Освобождение тех и других идет параллельно, не прерываясь, до нашего времени.

Низшие городские и сельские классы получают при Александре I право приобретать недвижимую собственность¹⁹, поступать в высшие учебные заведения (крестьяне — переходить в городские классы) и, получив диплом, все права высших классов, освобожденных уже прежде. При Николае водворяется принцип, что крепостные крестьяне государства — свободные люди; сельские общества образуют особые общины под управлением выборных; множество натуральных повинностей по владению казенной землей отменяется и заменяется денежными; многие разряды крестьян освобождены от телесного наказания. Юридически их быт установлен и права признаны. Допущен свободный переход из городов в села, из сел в города на известных условиях. Над свободными крестьянами тяготеет правительственная опека и произвол чиновников. Кроме того, по-прежнему остается еще наследственное звание солдат; рекрут, солдат — все еще раб государства и употребляется в фабричных и заводских работах, обращается в разные невоенные должности, и солдатское звание продолжает быть наследственным. Равным образом, удерживаются еще очень многие разряды крестьян и мастеровых, приписанных к фабрикам, ведомствам, заведениям наследственно, с обязанностью почти бесплатной и почти бессрочной работы. Они и солдаты были свободны только по имени. В нынешнее царствование совершается (отчасти уже совершилось) совершенное их освобождение. Все приписные к ведомствам освобождены от обязательной работы. Солдаты перестали быть наследственным званием, сроки их службы сокращены на 10 лет (вместо 25 лет — 15), и употребление солдат в другие должности, кроме военной, если не совсем еще отменено, то значительно сокращено²⁰. <...>. Самое важное то, что опека чиновников снимается. Для удельных крестьян это уже сделано, для государственных — должно сделаться на днях. Крестьянские общества получают право выкупить занимаемые ими казенные земли и через это обратиться в свободные общины. Идет речь об отмене подушной подати²¹ (для низших городских сословий это уже сделано). Кнут отменен. Телесные наказания <применялись> только по суду. Число вовсе освобожденных от телесных наказаний чрезвычайно расширено.

Женщины освобождены от них вовсе. Уничтожение крепостного права дворянства, совершившееся в наше время, подготовлено тоже непрерывным рядом постепенных ограничительных мер, которые начались с первых годов царствования Александра I, значительно усилены и умножены при Николае, который все свое царствование мечтал об освобождении крепостных дворянства²², но не справился с этим делом. Теперь это совершилось. Главные основания:

1) дворовые освобождены безвозмездно; 2) крестьяне получили все гражданские права наравне с прочими свободными и образуют общины с выборными и с большой долей самоуправления; 3) удержали за собой большую часть господских земель, которые обрабатывали при крепостном праве на себя, по известной оценке, и за нее или работают, или платят оброк, определенный законом, — то или другое по своему усмотрению; 4) по соглашению или по одностороннему желанию господина надел может обратиться в полную собственность крестьян за сумму, определенную заранее законом, причем государство выдает сумму частью деньгами, частью облигациями и платит на них проценты, а крестьяне платят государству эти проценты и погашение (рассрочка погашения на 49 лет). В 9 западных губерниях в 1863 г. введен обязательный выкуп по причинам политическим²³. На этом основании из 10 млн душ мужского пола уже теперь можно считать половину свободными собственниками. На остальных, кроме получения оброка или права требовать работы (и то без принудительных мер от себя, а лишь через посредника), помещики не имеют никаких прав, никакого юридического влияния.

Выводы:

1. Прекращение частного крепостного права не есть у нас особняком стоящая разумная политическая и социальная мера, какою была везде в Европе, а была заключительным, последним явлением в ряду целого исторического нашего движения в течение XVIII и XIX вв., которого существенный смысл — водворение на нашей почве личного начала, нравственной почвы и условия развития и упразднения исторического типа, под которым сложилось русское государство. Процесс начался сверху и шел постепенно вниз, в массы, пока не совершился вполне в наше время.

2. Отмена частного крепостного права сопровождалась и отменной государственного крепостного права относительно сельских масс; а сельские массы составляют у нас более 5/6 населения, за исключением всех других классов и даже солдат и низшего городского населения. Мы — мужицкое царство. Оттого освобождение сельских масс у нас без сравнения важнее, чем было в Европе, где самостоятельно развились, имели свою жизнь, свою блистательную историю Церковь, дворянство, средние классы, монархическая власть, а крестьянство не составляло, как у нас, всего или почти всего, как определяющий элемент внутренней жизни. У нас все другие общественные элементы развились поздно, слабо, несамостоятельно. Они были плохой копией с превосходных образцов. Сельская масса была у нас издавна и с каждым днем более и более определяющим началом, камертоном внутренней жизни, хотя и бессознательно, пассивно. Ею определяется весь строй русской истории, хотя она нигде до сих пор не выступала вперед, на первый план, как планета Нептун производила пертурбации в движении небесных светил, хотя до недавнего времени о ней ничего не знали.

3. Наше движение историческое — совершенно обратное с европейским. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало-помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить рано или поздно время, когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются. Но теперь это глубокое различие задатков развития, общих предположений есть одна из главнейших причин, что мы друг друга мало понимаем. Образованных русских в Европе считают чрезмерно радикальными, забывая, что это крайность индивидуального принципа, который именно у нас и развивается теперь. Мы не можем относиться ко всему нашему иначе как отрицательно. У нас же просвещенные люди находят европейский быт узким, не довольно широким, слишком обусловленным историческими преданиями, и, конечно, мы не правы, потому что мы смотрим с точки зрения еще не определившейся, не жившей, только проснувшейся индивидуальности, которая потому и не видит еще ясно, что определится она может только в исторической форме и ни в какой другой, и что ей предстоит

у нас то же самое со временем. Это главный источник всех недо-
разумений и взаимных отчуждений.

4. Не только в Европе, но в особенности мы сами теперь от-
носимся очень отрицательно к нашей истории, видим в ней
только дикость, только варварство, находим, что мы тысячу лет
спали, не сделав решительно ничего, что в нашем прошедшем
нет человеческого смысла, что наша история не европейская, а
азиатская — глубочайшая неподвижность. Справедливо ли это?
Я не думаю. Наша история длится с появления великорусского
элемента, который ее определяет и до сих пор (от 35 до 40 млн
на население в 70 млн), следовательно, с XII в., и продолжает-
ся не 1000 лет, а 700. Случайное призвание князей варяжских
северными племенами, исчезающее в общем ходе истории по
внешним, случайным причинам, считается началом русской
истории. В эти 700 лет мы успели по возможности колонизиро-
вать огромное пространство, образовать огромное государство.
Не имея предшественников на своей почве, которые бы передали
нам по наследству, фактом какую-нибудь цивилизацию, учась
всему у других из книг, по слуху, по впечатлениям немногих
путешественников, по немногим заходившим к нам отголоскам
Европы, большей частью, особливо сначала, представляемой
у нас не лучшими ее представителями, мы осуждены были жить
своим умом, должны были вобрать в себя множество элементов,
которые нельзя считать принадлежащими к аристократии чело-
веческого рода; вынесли в самом начале 200-летнее иго монголов.
Несмотря на все эти неблагоприятствующие условия, страшно
замедлявшие развитие, мы успели выработать кое-какие зачатки
гражданского общежития, где их прежде вовсе не было; успели
сбросить историческую форму безличности, которая на нас тя-
готела. Выработав почву, возможность нравственного развития
в свободной личности, мы начинаем внутреннюю жизнь, внутрен-
нее развитие, не имея строго разграниченных сословий, не имея
за собой преданий сильной аристократии, сильной и самостоя-
тельной Церкви со светской властью, с огромным землевладель-
ческим сельским населением, которого социальное положение и
привычки делают нас надолго, если не навсегда, обеспеченными
против самых страшных из всех волнений — волнений народных
масс против высших, образованных, владеющих классов. Нельзя
сказать, чтобы при тех условиях, с которых мы начали, всего
этого не было достаточно для 700-летней деятельности!

Дальнейший ход нашей истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих. Почва приготовлена. Что на ней вырастет, что она принесет в сокровищницу всемирной истории — это покажет будущее. Верно то, что на наших глазах второй период русской истории окончился, исчерпан совсем, и для нас начинается другое время, другая жизнь. Верно также, что мы развивались, страдали, боролись, работали в прошедшем, и в этом крестном, терновом пути развития — залог нашего будущего.

Европе готовится сюрприз видеть в мнимых ордах способное к развитию спокойное племя.

